P. o. russ.
80
9/1

P.O. russ. 80 9/1

P. o. russ. 80 9/1

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ,

или

ТАИНСТВЕННАЯ ЮРОДИВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВРЕМЕНЪ БОРИСА ГОДУНОВА, ЛЖЕДИМИТРІЯ И ЦАРЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Ѳ. Потапова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Ты раскройся передо мною, старина матушка, развернитесь лѣтописи минувшихъ лѣтъ!...“

В. П.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Манухина.
1868.

4/25
24 A
A 2

Дозволено Цензурой. Москва, 28-го Августа, 1867 года.

ПЕЧАТАНО СЪ ИЗДАНІЯ 1857 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

въ Тип. Назаровой, на Мясницкой, въ Злат. пер., противъ Монастыря, д. Поейкова. 1634.

7gT/80/6272

P.o. russ. 80 q (Л

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!
«Друзья! случалось ли когда вамъ, въ часъ
свободный,
«Съ завѣтной старины пыль дряхлую стря-
хнуть,
«И пробѣжать столбцы исторіи народной,
«И въ даль минувшую *догадкой* заглянуть?
«Не правда-ль, что тогда душа въ васъ
оживаетъ.
«И мысль за мыслію какъ водопадъ течетъ,
«И сердце биться въ васъ сильнѣе начинаетъ,
«И свѣтлая слеза на хартію падетъ?
«Кто испытать умѣлъ подобныя мгновенья,
«Тотъ въ жизни свѣтлыя минуты испыталъ;
«Повѣрьте! счастливъ — кто въ тиши уе-
дименья
«Невзгоды за перомъ на время забывалъ!

II

«Но тотъ, кто дни свои считаетъ лишь балами,
«Чья жизнь — *купеческій приходъ, барышъ, расходъ*,
«Кто веселъ лишь тогда, когда кутитъ съ друзьями,
«Друзья, мнѣ жалокъ тотъ! — друзья, мнѣ жалокъ тотъ!
«Богачъ баклуши бьетъ, а авторъ день, ночь пишетъ;
«Тотъ любитъ свѣтскій шумъ, тотъ скромно жизнь ведетъ;
«Одинъ всю жизнь свою наукою лишь дышетъ,
«Другой шампанскимъ лишь и дышетъ и живетъ,
«Напыщенный богачъ надъ авторствомъ смѣется.
«И авторъ, *по его*, на чердакѣ живетъ;
«Но пусть же обѣднять и богачу придется:
«Скорѣе автора — онъ съ голоду умретъ!.»

Василій Потаповъ.

Ивану Львовичу Бр
Ивановой Августа

ИВАНЪ ВЕЛИКОЙ

„Дѣла давно минувшихъ дней,
„Преданье — старины глубокой...
А. С. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Замыслы Годунова.

Юродивая въ теремѣ Годунова. — Тайное совѣщаніе.—Дьякъ Михайло Битяговскій.—Царевичъ, Богомъ спасаемый. — Ядъ не дѣйствуетъ.—Страшный замыселъ.

Было около полудня. Бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ возвращался изъ дворца. Подошедши къ своему дому, онъ набожно помолился на всѣ стороны и уже началъ взбираться на высокое крыльцо,

какъ позади его раздался женскій голосъ: «Здорово бояринъ!» Годуновъ обернулся и увидалъ женщину лѣтъ сорока, высокаго роста, съ желтымъ, истомленнымъ лицомъ и впалыми глазами, на устахъ которой блуждала какая-то неопредѣленная улыбка. Она была одѣта въ черный поношенный сарафанъ, такого же цвѣта повязка покрывала ея голову; но въ одеждѣ ея была замѣтна особенная странность и небрежность.

— Здорово бояринъ! повторила она, подходя ближе къ Борису, — какъ живешь-можешь? *Углицкіе* тебѣ кланяются...

— Здраствуй Агаѳьюшка! отвѣчалъ Годуновъ ласково и приподнявши шапку,—давно ли изъ Углича?..

— Недавно родимый, недавно! почесь что только ввалилась въ Москву, да и поспѣшила къ благодѣтелю; вѣсточка есть....

Борисъ подалъ знакъ, чтобы она молчала и слѣдовала за нимъ. — Вошедши въ свой

рабочій теремъ, Борисъ тщательно заперъ дверь, и опустившись въ кресло, обитое малиновымъ бархатомъ, обратился къ незнакомкѣ, которая почтительно стояла передъ нимъ.

— Теперь говори, Агаѳья, сказалъ Годуновъ, склонивши голову на руку и облокотясь объ столъ, подлѣ котораго сидѣла, — теперь говори! а впередъ будь осторожнѣе и не начинай на улицѣ такой рѣчи, которую должно вести за замкомъ....

— Ладно, бояринъ, отвѣчала Агаѳья поклонившись; — впередъ будемъ учиться у твоей милости — хитрости, уму и разуму, а на быломъ не взыщи: вѣдь мы, Угличане, не вамъ, Москвичамъ, чета; въ нашу душу смотрись какъ въ матушку Волгу, а въ вашей, какъ въ Неглинкѣ, и воронъ не увидитъ, какъ онъ черепъ... Говоря эти слова, незнакомка значительно улыбнулась.

— Полно, Агаѳьюшка, говоритъ рѣчи праздныя, молвилъ Годуновъ — скажи лучше, что новаго въ Угличѣ?.. что царевичъ?..

«Слава тебѣ Господи, живетъ и здравствуетъ! отвѣчала Агаѳья.

— Стало быть мое приказаніе не было исполнено? спросилъ Борисъ снова, нахмуривши брови...

— А кто ихъ вѣдаетъ! говорятъ, что трудились, да вѣдь ты то подумай, Ѳедорычъ, что Господь хранитъ всякаго неповиннаго, а выше Бога, не взыщи, никто не будетъ, и власъ съ главы безъ воли Его не погибнетъ....

Въ это время кто-то сильно постучалъ въ дверь. Борисъ вздрогнулъ, — но, тотчасъ же оправившись отъ испуга, всталъ съ своего мѣста и подошедши къ двери, и не отпирая, спросилъ въ полголоса: «Кто тамъ?»

— Пріѣзжій изъ Углича дьякъ пришелъ и

не отступно желаетъ бить челомъ твоей милости; прикажешь ли впуститъ, бояринъ? отвѣчалъ изъ-за дверей голосъ.

Борисъ улыбнулся, взглянулъ на Агаѳью и молвилъ: — Гости за гостями и все Углицкіе; вѣрно Битяговскій!.. Позови его!—прибавилъ Годуновъ и, щелкнувши ключемъ, возвратился на свое мѣсто Лишь только онъ усѣлся, какъ дверь отворилась и вошелъ мущина высокаго роста, пожилыхъ уже лѣтъ, свирѣпаго и ужаснаго вида. Рыжіе волосы на головѣ и бородѣ, испещренные предательскою сѣдиною, при первомъ взглядѣ на вошедшаго могли бы напоминать каждому страшнаго духа тьмы, присланнаго изъ ада на землю для исполненія какого нибудь безчеловѣчнаго предпріятія, а сѣрые глаза, подернутые туманною оболочкою и находившіеся въ безпрерывномъ движеніи, ясно говорили, что это злодѣй, для котораго нѣтъ ничего свя-

щеннаго; таковъ былъ дьякъ Михайло Битяговскій.

Сдѣлавши нѣсколько поклоновъ передъ иконою, висѣвшею въ переднемъ углу, Битяговскій отвѣсилъ чуть не земное почтеніе Годунову, и потомъ обратившись къ Агаѳьѣ, сказалъ: «А! юродивая, ужъ ты здѣсь! Скоренько залетѣла, за тобою не успѣешь....

— Не взыщи, Мишенька! отвѣчала Агаѳья улыбнувшись,—что тебѣ дивиться, вѣдь наше дѣло не боярское: нѣтъ пуховой перинки, не на чемъ нѣжиться лишній часокъ, нѣтъ дорогаго убранства, не во что рядиться до полудня. — Легъ свернулся, всталъ стряхнулся — говоритъ пословица; вотъ и успѣла раньше тебя принести Ѳедорычу отъ Углицкихъ поклонъ.

Борису повидимому наскучила двусмысленная болтовня юродивой, и онъ, чтобы прервать ея рѣчь, обратился къ Битяговскому съ вопросомъ:

— Что новаго Михайла, какъ поживаютъ наши Углицкіе?

— Слава Богу, бояринъ, отвѣчалъ Битяговскій, — твоими молитвами и попеченіями здравствуютъ себѣ... Царица Марія Ѳеодоровна любуется своимъ сынкомъ-царевичемъ, родня ея — бояре Нагіе съ утра до ночи бражничаютъ, а царевичъ Дамитрій Іоанновичъ цвѣтетъ, что твой маковъ цвѣтъ, и красивъ, и уменъ.... да! уменъ такъ, прибавилъ Битяговскій помолчавши, — что и сказать нельзя. Коли прикажешь, бояринъ, такъ я раскажу тебѣ про его забавы, хоть про одну примѣрно....

На лицѣ Годунова явно блеснуло нетерпѣніе, но Битяговскій, какъ будто не замѣчая того, продолжалъ: — Мнѣ расказывала про это мамка его, боярыня Волохова; однажды, великимъ постомъ въ нынѣшнемъ году, царевичъ вышелъ съ своими товарищами, боярскими дѣтьми, на задній дворъ

гулять и тѣшится, велѣлъ имъ, изъ снѣгу, который еще не стаялъ, надѣлать столбиковъ, и столбики тѣ похожи были на образъ человѣческой; одинъ изъ этихъ столбиковъ былъ выше всѣхъ и стоялъ на мѣстѣ почетномъ. Вотъ, какъ все было готово, онъ и давай ихъ косить деревяннымъ мечемъ, кому отсѣчетъ руку, да примолвитъ: «вотъ тебѣ, бояринъ Клешня, — будь впередъ умнѣе;» другаго проколетъ насквозь, да закричитъ: «вотъ и тебѣ, князь Шуйскій,—не хитри!...» наконецъ подошелъ къ столбику, что былъ выше всѣхъ, отхватилъ совсѣмъ прочь голову, самъ захохоталъ и проговорилъ: «и твоя денежка не щербата, Борисъ Годуновъ, ты всѣхъ выше, тебѣ и подарокъ почетнѣе!.. Потомъ царевичъ бросилъ свой мечъ и побѣжалъ въ хоромы, приговаривая: «такъ имъ будетъ въ мое царствованіе!...» Уменъ, такъ уменъ, что и сказать нельзя!..

Битяговскій замолчалъ и украдкою взгля-

нулъ на Бориса. Лице Годуново пылало, грудь волновалась....

— И это такъ дѣйствительно было? спросилъ Борисъ, мрачно взглянувши на дьяка.

— Боярыня Волохова меня завѣрила...., отвѣчалъ Битяговскій.

— Такъ-то вы исполняете мои порученія! вскричалъ Годуновъ, вскочивши съ своего мѣста:—вы всѣ готовы продать душу свою на вѣсъ золота, вы никакъ не прочь отъ моихъ милостей, наградъ и почестей...., вы все обѣщаете исполнить, да только на словахъ. — Говори, почему не исполнено мое приказаніе, развѣ я не далъ вамъ вѣрнаго средства?....—Битяговскій испугался и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ. — «Не гнѣвись бояринъ, проговорилъ онъ робко, прежде изволь выслушать; по твоему приказанію я изыскивалъ всѣ средства, чтобы привести умыселъ нашъ въ исполненіе,—вѣдь ты самъ настрого запретилъ мнѣ показываться безъ

особенной надобности во дворецъ: вотъ я и дѣйствовалъ стороною. — Боярыня Волохова взялась угодить тебѣ, поговорила поварешка, и раза три подмѣшивали ядъ...., то есть твое знадобьице, бояринъ, въ яства царевичевы....

— Ну что же далѣе? спросилъ Годуновъ съ нетерпѣніемъ.

— Ядъ не подѣйствовалъ! отвѣчалъ Битяговскій, пожимая плечами.

— Ты лжешь, бездѣльникъ! вскричалъ Борисъ, подходя къ дьяку, ты лжешь....

— Сними съ меня голову, бояринъ, если я сказалъ хоть одно неправое слово — отвѣчалъ сей послѣдній хладнокровно.

Годуновъ задумался и снова опустился въ бархатное кресло. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Не дѣйствуетъ, ядъ не дѣйствуетъ.... проговорилъ наконецъ Борисъ въ раздумьи,— чудное дѣло! ... Послушай, Михайло, прибавилъ онъ наконецъ, взглянувши присталь-

но на дьяка, — не знаешь ли ты средства вѣрнѣе.... которое бы *подѣйствовало*.... ты меня понимаешь?.. Такое средство, на которое бы ни какой заговоръ....

Битяговскій, не давши Годунову докончить рѣчи, улыбнулся и сдѣлалъ рукою знакъ, отъ котораго волосы у хитраго боярина стали дыбомъ.... — Убійство, вскричалъ онъ, открытое убійство! Михайла, только одинъ демонъ могъ внушить тебѣ эти мысли....

Битяговскій снова улыбнулся и отвѣчалъ хладнокровно:—Другихъ средствъ не остается, бояринъ..... твердая рука, которая не дастъ промаха, и острый ножъ.... рѣшатъ всё дѣло, скорѣе бѣлаго порошка твоего....

Годуновъ снова содрогнулся. «Ужасный замыселъ! сказалъ онъ въ раздумьи, — но я согласенъ: скажи мнѣ, кто въ состояніи исполнить его?....

— Мало ли людей, бояринъ, развѣ ты не имѣешь въ Угличѣ приверженцевъ?.... отвѣ-

чалъ дьякъ. — Положись во всемъ на меня, я, по милости твоей, живу тамъ безвыѣздно, управляю земскими дѣлами, и повѣрь, не буду дремать ... Твоя польза для меня всего дороже. Да! бояринъ, если задрожитъ рука другаго, то не дрогнетъ рука Битяговскаго....

— Смотри не промахнись, Михайлушко! раздалось вдругъ въ углу свѣтлицы.—Борисъ и Битяговскій вздрогнули и поблѣднѣли, какъ преступники, уличенные въ злодѣяніи.

Годуновъ первый пришелъ въ себя, и грозно взглянувши на Агаѳью, которая стояла смиренно, и, потупивши глаза, перебирала въ рукахъ длинныя четки, — сказалъ: «что ты тутъ бормочешь, сумасшедшая? не пригоже, Агафья, подслушивать чужія рѣчи!..

Агаѳья низко поклонилась:—Слушаю, бояринъ, да исполнить приказъ твой трудно: рада бы не слушать, а слова твои сами въ уши напрашиваются. Давно, Ѳедорычъ, объ-

щалъ ты подарить, Агаѳьѣ сережки, вотъ теперь бы кстати, завѣсь дурѣ уши золотомъ — ничего не услышитъ, право такъ, не погнѣвись, родимый!

Борисъ улыбнулся: «За золотыми серьгами дѣла не станетъ: вотъ тебѣ, Агаѳья, возьми, да смотри же употреби эти деньги на то, для чего просила, и чтобы ты никогда ничего не слыхала, а если что и слышала— постарайся забыть! Теперь прощай, ступай съ Богомъ, помни одно: ни кому ни слова, ни здѣсь, ни въ Угличѣ!» Годуновъ подалъ юродивой серебряную монету и сдѣлалъ знакъ, чтобы она вышла.

Юродивая взяла монету, поклонилась и сказала: «Будь покоенъ, Ѳедорычъ, я молчалива и лишняго словечка не вымолвлю, а не то ты пожалуй велишь Михайлущкѣ и мнѣ отрѣзать языкъ; есть, бояринъ, другая свидѣтельница, ее не испугаешь ножемъ и не подкупишь деньгами: эту свидѣтельницу

зовутъ совѣстью; куды она голубушка не угомонна! расходится, такъ и не уймешь!

Борисъ съ негодованіемъ вскочилъ съ мѣста, но юродивой уже не было.

Успокойся — бояринъ, замѣтилъ Битяговскій, — я хорошо знаю эту юродивую, она живетъ въ Угличѣ, у меня въ домѣ; языкъ ея правда остеръ какъ ножъ, но вѣрь мнѣ, что она насъ не выдастъ.

— Положимъ такъ, замѣтилъ Годуновъ, я вѣрю словамъ твоимъ, но осторожность и тайна—должны быть первыми условіями нашихъ замысловъ....

Долго еще совѣщались злоумышленники на жизнь невиннаго младенца; наконецъ Битяговскій вышелъ осторожно изъ дома боярина Годунова и скрылся....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роковое совѣщаніе.

Дворецъ царевича въ Угличѣ. — Царица Марія Ѳеодоровна — Царевичъ Димитрій — Опять юродивая. — Ея таинственныя предсказанія. — Боярыня Волохова. — Тайное совѣщаніе злодѣевъ.

Еще и по сіе время любители отечественной старины могутъ видѣть Ярославской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Угличѣ, дворецъ, въ которомъ нѣкогда жилъ царственный юноша, сынъ Грознаго Іоанна, падшій подъ ударомъ проклинаемаго всѣмъ народомъ Русскимъ убійцы, и причтенный къ лику св. мучениковъ — Этотъ дворецъ Димитрія Царевича, любопытный и рѣдкій памятникъ нашей Исторіи, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, хотя

и не въ первобытномъ видѣ своемъ. Онъ передѣланъ и поновленъ внутри вѣроятно потому, что отъ него остались однѣ стѣны; впрочемъ наружность его кажется такова же, какъ и была, кромѣ рѣшетки, которою нынѣ онъ обнесенъ и которой въ то время не было; впрочемъ, смотря на его мрачный видъ, на высокое крыльцо, вы немедленно переноситесь мысленно во времена минувшія; не подалеку отъ дворца взоръ вашъ встрѣчаетъ соборную церковь и ту не высокую готическую колокольню, на которой нѣкогда раздавался набатъ, и... горестная картина убіенія царственнаго младенца, какъ будто происходя предъ вами, вырываетъ изъ Русскаго сердца горячую слезу воспоминанія, и проклятіе на главы убійцъ, обагрившихъ нечестивыя руки свои въ святой крови вѣнценоснаго праведника.

Царица Марія Ѳеодоровна сидѣла въ своей образной свѣтлицѣ, у разноцвѣтнаго окна и

любовалась своимъ ненаглядным сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, который, опустивши ангельскую голову свою на колѣна матери, нѣжно ласкался къ царственной родительницѣ и, время отъ времени, отвѣчалъ на ея вопросы. Нѣсколько времени продолжалась эта невыразимая, семейственная бесѣда; наконецъ царица задумалась и, разбирая въ задумчивости шелкъ нѣжныхъ кудрей Димитрія, вздохнула; взоръ ея наполнился слезами... Царевичъ тотчасъ это замѣтилъ:

— Опять вздохи, опять слезы, родимая моя! сказалъ онъ осыпая поцѣлуями руки матери,—да когда же этому будетъ конецъ?.. Скажи мнѣ, родная, о чемъ грустишь ты? Или какое предчувствіе тревожитъ тебя? Готовится ли намъ какое несчастіе? Разскажи, повѣдай мнѣ матушка-царица?....

Марія Ѳеодоровна прижала сына къ груди своей и отвѣчала: «Прошедшее, сынъ мой,

прошедшее,.... напоминая мнѣ былое счастіе, невольно иногда тревожитъ меня и въ самомъ уединеніи....

— Прошедшее! вскричалъ Царевичъ, отступивши на нѣсколько шаговъ отъ родительницы, — прошедшее! всегда такъ говоришь ты, моя ненаглядная! Да что же это за прошедшее? Развѣ ты въ силахъ воротить его своими слезами?.... Если ты плачешь о покойномъ государѣ — моемъ родителѣ, то зачѣмъ тебѣ скрывать свою горесть? Раздѣли ее вмѣстѣ со мною, съ твоимъ сыномъ, и я также какъ ты наплачусь досыта?.... Царевичъ зарыдалъ, но вскорѣ опомнился, быстро отеръ слезы и продолжалъ: «Если же помыслы о минувшихъ дняхъ царственнаго величія смущаютъ духъ твой — матушка царица, то вспомни государыня, что для тебя не закрыты двери дворца царскаго и что на престолѣ царства Русскаго сидитъ старшій братъ мой»!....

— Да кто правитъ-то царствомъ Русскимъ? раздался вдругъ голосъ; въ это же время дверь отворилась и Агаѳья предстала предъ изумленною царицею....—Соколъ ты мой ясной! продолжала она, обращаясь къ Царевичу: — на престолѣ царства Русскаго сидитъ твой старшій братъ, но правятъ царствомъ пять его пѣстуновъ *); а вѣдь они себѣ на умѣ! Бояре народъ хитрый, умѣютъ въ мутной водѣ ловить рыбу; государь Феодоръ Іоанновичъ,—дай ему Господи много лѣтъ здравствовать! — любитъ Бога, паче славы; править царствомъ—дѣло великое: онъ, мой батюшка, пойдетъ въ

*) Извѣстно по исторіи, что Іоаннъ Грозный, скончавшись 18 марта 1584 года, назначилъ послѣ себя наслѣдникомъ сына своего Феодора Іоанновича, къ которому, какъ къ немощному и слабому государю, приставилъ пятерыхъ пѣстуновъ или дядекъ: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Юрьева, Шуйскаго и Годунова.

храмъ Божій, судить да рядить укажетъ пѣстунамъ — они и начнутъ вертѣть по своему.... особливо Борисъ Ѳедорычъ Годуновъ, куда на все мастеръ... жаль только голубчика, тово и гляди ослѣпнетъ....

— Что ты говоришь, Агаѳьюшка? спросилъ Царевичъ съ участіемъ: — бояринъ Годуновъ ослѣпнетъ?.... Отчего же это?

— А вотъ отъ чего, ненаглядной мой, — отвѣчала юродивая: — случалось тебѣ въ свѣтлый, ясный день взглянуть на солнышко, — куды какъ тяжело глазамъ! взглянешь да и отвернешься, — да вѣдь это одна минута, а у боярина Годунова — Мономаховъ вѣнецъ всегда передъ глазами, глядитъ на него, мой сердечный, середи дня, бредитъ во снѣ... тово и гляди ослѣпнетъ....

Царица пристально посмотрѣла на юродивую: Твои слова загадочны, Агаѳьюшка, молвила она, — но я не совѣтовала бы тебѣ

говорить такія рѣчи вслухъ, а Царевичу внушать такія мысли я тебѣ запрещаю!..

Агафья низко поклонилась. — Прости, государыня! сказала она, — языкъ мой — мнѣ врагъ, остеръ онъ, матушка царица, да все не столько, какъ ножъ въ рукѣ подкупнаго убійцы: словомъ не убьешъ, моя голубушка!.... Еще скажу тебѣ примѣръ, государыня, коли собака брехаетъ — не бойся ее, она и рветъ и мечетъ, а не укуситъ; бойся той собаки, что молча бросается!.... Вотъ ты то разсуди, кто кромѣ Агаѳьи такъ смѣло станетъ говорить тебѣ, всѣ кланяются въ поясъ, никто противнаго словечка не молвитъ, кажись любятъ тебя и души не слышалъ, а заглянуть бы иному въ сердце куды чай темно... Береги, государыня, Царевича, не надѣйся на мамокъ, на нянекъ; онѣ служатъ тебѣ за деньги и за эти же деньги продадутъ другому свои услуги....

Въ это время вошла въ свѣтлицу пожилая женщина, богато одѣтая въ малиновый бархатный сарафанъ и дорогую фату, но чрезвычайно непривлекательная собою; это была мамка Царевича Димитрія, боярыня Волохова. — Поклонившись царицѣ, боярыня бросила презрительный взглядъ на юродивую. — Послѣдняя, ни мало не смутившись, покачала съ удивленіемъ головою и сказала. «Здорово, боярыня! какая ты, моя голубушка, стала чорная, знать въ матушкѣ Волгѣ пересохла водица и умыться то тебѣ не чѣмъ. Жаль мнѣ тебя, боярыня Василиса, не пригоже ходить такою неумойкою; приберись, моя сударушка, не ровенъ часъ, позовутъ въ гости, а ты и не готова.

— Молчи, сумасшедшая! отвѣчала сердито боярыня Волохова,—болтаешь ни вѣсть что. .

— Полно, такъ ли, Василисушка? сказа- Агафья;—мнѣ кажись сойти съ ума не отъ чего, у меня въ головушкѣ нѣтъ такихъ

замысловъ, чорныхъ и страшныхъ, отъ которыхъ бы мозгъ поворотился; вотъ ты, моя сударыня, совсѣмъ исхудала отъ раздумья, оттого-то стала такою неумойкою, Брось, боярыня, эту думу, плюнь на нее, и коли въ Волгѣ нѣтъ для тебя водицы, такъ сходи къ духовнику, Отцу Ивану — онъ дастъ тебѣ святой водицы, умоешься, изопьешь; и все какъ рукой сниметъ.

Волохова отвернулась отъ юродивой, и чтобы скрыть волненіе свое, начала ласкать Царевича. Агаѳья между тѣмъ вышла но таинственныя слова ея сильно подѣйствовали на сердце царицы, и съ той минуты она еще пристальнѣе стала наблюдать за сыномъ, не отпускала его почти ни на шагъ отъ себя, не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью, выходила изъ дворца только въ церковь, питала его изъ собственныхъ рукъ; но злоба враговъ не дремала...

Было около восьми часовъ за полдень. Прекрасный майскій вечеръ вѣялъ отрадною прохладою, солнце огненнымъ шаромъ плыло къ западу, звуки пастушеской свирели возвѣщали приближеніе стада и ревностные Углицкіе торговцы расходились по домамъ, запирая свои лавки. — Въ это время къ дому Михаила Битяговскаго быстро приближались два человѣка; закутанные въ широкіе охобни; они часто оборачивались назадъ оглядывались на всѣ стороны, разговоръ ихъ былъ отрывистъ и происходилъ въ полголоса. Глядя на двухъ незнакомцевъ, которые по видимому были оба еще молодыхъ лѣтъ, всякій догадался бы что они или избѣгаютъ преслѣдованія, или идутъ на такое дѣло, съ которымъ не можетъ быть въ ладу совѣсть честнаго человѣка. — Подошедши къ дому, они постучались легонько въ ворота, калитка отворилась и пѣшеходцы, вбѣжавши на крыльцо,

вошли въ комнату. Это были сынъ мамки царевичевой, Осипъ Волоховъ, и племянникъ Битяговскаго, Никита Качаловъ. Дьякъ Михайло Битяговскій и сынъ его Данила сидѣли въ свѣтлицѣ за ужиномъ и, какъ видно, дожидались къ себѣ пришедшихъ гостей, потому что кушанья были не початы; романея и медъ, палитыя въ серебряныя стопы, касались самыхъ краевъ и ожидали начала трапезы.

Волоховъ и Качаловъ, по Русскому обычаю, помолились иконамъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, поклонились хозяевамъ и въ одинъ голосъ проговорили: хлѣбъ да соль!

— Милости просимъ! отвѣчалъ Михайло Битяговскій, — а у насъ ужь и щи простыли и романея выдохлась; ждали, ждали, начали думать, что ужь вы и слова не сдержите....

— Меня задержалъ вотъ онъ! сказалъ Качаловъ, указывая на Волохова, — я дожи-

дался его у дворца; ты самъ, дядюшка, наказалъ мнѣ быть осторожнѣе....

«Да, да! осторожность и тайна необходимы, этого требуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ.... замѣтилъ Битяговскій.. Между тѣмъ всѣ усѣлись за столъ, и въ свѣтлицѣ, на нѣсколько минутъ, воцарилась тишина, прерываемая время отъ времени стукомъ оловянныхъ тарелокъ или звономъ серебряныхъ стопъ, которыя дружно опорожнялись собесѣдниками. — Когда первый порывъ голода былъ утоленъ и щеки друзей разгорѣлись отъ романеи, Михайло Битяговскій снова началъ разговоръ:

— Ну какъ же наше дѣло? сказалъ онъ, обращаясь къ Волохову; — когда мы приведемъ въ исполненіе нашъ замыселъ? Послѣ завтра я долженъ послать вѣсть въ Москву; неужели же и теперь отложимъ до слѣдующей недѣли: вѣдь этакъ мы замучимъ боярина ожиданіемъ и онъ перестанетъ казнить.

— Матушка согласна приступить къ исполненію хоть завтра, отвѣчалъ Волоховъ, но приказала сказать, что за успѣхъ не ручается и что поспѣшность наша неумѣстна: Царица Марія Ѳеодоровна ни на минуту не отпускаетъ отъ себя Царевича, не довѣряетъ его ни мамкѣ, ни кормилицѣ....

— Ну, а что Жданова? спросилъ Битяговскій.

— На кормилицу нельзя имѣть никакой надежды, отвѣчалъ Волоховъ, — и матушка, зная приверженность ея къ Царевичу и царицѣ, не принимаетъ на себя труда склонить ее на нашу сторону. — Впрочемъ большой надобности въ ней нѣтъ, завтра матушка употребитъ всѣ средства, чтобы выманить Царевича изъ дворца, а докончить будетъ наше дѣло..

— И такъ завтра, послѣ обѣдни? спросилъ снова Михаило Битяговскій. Волоховъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Кто же будетъ начинателемъ сказа
въ свою очередь Данило Битяговскій.

— Разумѣется кто: — Волоховъ, возразил
Никита Качаловъ съ злобною усмѣшкою, —
ему и честь и слава, да притомъ же он
ближе всѣхъ имѣетъ доступъ ко дворцу
Царевичь обходится съ нимъ ласково...

Данило Битяговскій взялъ стопку съ рома
неей. — За здоровье боярина Волохова! вскри
чалъ онъ, поднимая стопку надъ головою...

— И за успѣхъ предпріятія!.... отвѣчал
всѣ въ одинъ голосъ, и всѣ, взявши н
стопкѣ, осушили однимъ духомъ.

— За здоровье того, который умѣетъ дер
жать языкъ за зубами раздался голосъ з
дверью, и всѣ, вздрогнувши, спустили стоп
на столъ. Въ свѣтлицу вошелъ любимец
и клевретъ Михайлы Витяговскаго, Данил
Третьяковъ, мущина высокаго роста и сви
рѣпой наружности.

— Тьфу ты окаянный сказалъ Битягов

кій, приходя въ себя и оправившись отъ испуга — сердце въ пятки ушло. —

— И не мудрено, бояринъ, отвѣчалъ Третьяковъ, — вы здѣсь мыслите вслухъ: чуть чуть не слышно на площади; мнѣ то и дѣло твердятъ: Данило, будь остороженъ, Данило, держи языкъ за зубами, не пускай словъ на вѣтеръ, а сами изволятъ бражничать и орутъ такія рѣчи, что уши вянутъ.

— Ну, ну, полно ворчать, Данило! сказалъ Михайло Битяговскій, подавая ему стопу романеи, — выпей-ка, да раскажи намъ, какую вѣсточку прислалъ Клешнинъ....

Третьяковъ выпилъ стопу, и въ самомъ дѣлѣ сталъ гораздо разговорчивѣе: — Бояринъ на все согласенъ, отвѣчалъ онъ; завтра онъ ожидаетъ окончанія нашего замысла, только велѣлъ извѣстить васъ, чтобы вы не надѣялись на Угличанъ, они крѣпко привержены къ Царевичу, и если смекнутъ дѣломъ, то намъ не сдобровать. Самое луч-

шее средство, которое можетъ скрыть наше дѣйствіе, — распустить молву, что Царевичъ умертвилъ себя самъ во время падучей болѣзни, играя ножемъ.... Во-вторыхъ, продолжалъ Третьяковъ, обращаясь къ Михайлѣ Битяговскому, — тебѣ, бояринъ, онъ совѣтуетъ быть въ то время во дворцѣ: на тебя менѣе всякаго другаго падетъ подозрѣніе, потому что ты занимаешься домашнимъ обиходомъ Царицы и имѣешь къ ней полный доступъ....

Долго еще совѣщались злодѣи; наконецъ участь порфиророднаго младенца была рѣшена, и они разстались. Уснуло на нѣсколько часовъ ужасное преступленіе, уснуло, чтобы, проснувшись съ появленіемъ утренней зари, предстать во всемъ видѣ страшнаго исполненія и совершить дѣло цареубійства, ужасающее дальнѣйшее потомство!....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Убіеніе царевича Димитрія.

Роковой день (15 мая 1591 года).—Зловѣщій сонъ Ирины Ждановой. — Предательница мамка. — Убійцы. — Смерть девятилѣтняго праведника. — Тревога. — Пономарь Огурецъ. — Казнь злодѣевъ.

15-го мая 1591 года царица Марія Ѳеодоровна съ царевичемъ Димитріемъ слушала обѣдню въ соборной церкви. День былъ субботній. По окончаніи литургіи царица, получивши отъ священника просфору и благословеніе, отправилась изъ церкви и, по обыкновенію своему, начала одѣлять нищую братію въ числѣ которой стояла при входѣ во храмъ и Агапья,

Поровнявшись съ юродивой Марія Θеодоровна подала ей копѣечку и молвила: «за здравіе Димитрія!» Царевичъ, увидавши Агаѳью, съ своей стороны подалъ ей также серебряную монету и сказалъ: за «здравіе Царя Феодора и за всѣхъ православныхъ христіанъ!»

Юродивая, принявши подаяніе и поцѣловавши руку младенца, зарыдала.

Возвратившись во дворецъ, царица начала готовиться къ трапезѣ, и въ ожиданіи дяди и братьевъ своихъ, бояръ Нагихъ, занималась съ сыномъ: Слуги носили кушанья. — Въ это время кормилица царевича, Ирина Жданова, подошла къ царицѣ.—

«Не прогнѣвайся, государыня, сказала она, что я разскажу твоей милости: сегодня всю ночь мнѣ что-то не поспалось, злая безсонница обуяла меня, и я, словно рыба въ безводьѣ, металась лежа въ постелѣ; тотъ самой утро, вотъ въ соборѣ ударили

къ заутрени, сонъ отуманилъ глаза мои, и я согрѣшила, заснула, не пошла и въ храмъ Божій. Вотъ заснула, и вижу будто ты, государыня, сидишь въ этой самой свѣтлицѣ и на этомъ мѣстѣ, а на правомъ плечѣ у тебя сидитъ райская птичка, такая раскрасивая, что и сказать нельзя, перушки золотыя, и отъ нея по свѣтлицѣ идетъ такой свѣтъ, словно отъ краснаго солнышка: — Ты, государыня, ласкаешь птичку райскую, а она къ тебѣ ласкается; вдругъ откуда ни возьмись ястребъ пространенной, влетѣлъ въ свѣтлицу вырвалъ изъ рукъ твоихъ птичку, схватилъ острыми когтями, — да и былъ таковъ! Ты, государыня, горько заплакала, я глядя на тебя завопила пуще того.... и въ это время проснулась. — Не добрый сонъ, матушка-царица, не доброе предвѣщаетъ онъ.... Береги, государыня, царевича, береги его, моего ненагляднаго. Царице не даромъ говорятъ, что есть лихо-

дѣи; Агаѳья-юродивая не даромъ твердила рѣчи мудреныя — быть худу!....

Едва Жданова успѣла окончить разсказъ, какъ боярыня Волохова вошла въ свѣтлицу.

— Димитрій Ивановичъ! сказала она, боярскія дѣти, твои товарищи, собрались и ожидаютъ тебя на заднемъ дворѣ не хочешь ли позабавиться пока до обѣда; пойдемъ, ненаглядный мой, потѣшься на здоровье! Засадили тебя, моего соколика, и ни на шагъ изъ терема!

Царевичъ простосердечно подалъ мамкѣ руку, но кормилица Жданова притянула его къ себѣ, и заплакавши, молвила: «не ходи, голубчикъ мой, тѣшься здѣсь, въ теремѣ, мое красное солнышко! Здѣсь тебѣ и привольнѣе и безопаснѣе!....

Волохова бросила свирѣпый взглядъ на добрую кормилицу. — Ирина Жданова забыла, сказала она, — что говоритъ эти рѣчи

при мамкѣ царевичевой, которая не менѣе блюдетъ о здоровьѣ и безопасности своего воспитаника! Не пригоже, Ирина, безпокоить царицу рѣчами подозрительными; какая опасность можетъ угрожать младенцу?.. развѣ мы живемъ въ басурманской землѣ?.... развѣ здѣсь есть враги престолу царскому?.... Смотри, голубушка, говори впередъ, да не заговаривайся!

Окончивши рѣчь свою, Волохова повела царевича изъ свѣтлицы. Царица, по видимому убѣжденная словами коварной мамки, не препятствовала ей и только подала знакъ кормилицѣ слѣдовать за ними, оставшись сама въ какомъ-то разсѣяніи на своемъ мѣстѣ.

Вышедши въ сѣни, Волохова свѣла царевича къ нижнему крыльцу, какъ вдругъ Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ появились на этомъ крыльцѣ. Первый изъ нихъ, поклонившись царе-

вичу, взялъ его за руку и ласково спросилъ: «Государь! у тебя новое ожерелье?...» Младенецъ съ улыбкою невинности поднялъ головку и отвѣчалъ: «Нѣтъ, Осипъ, старое!» Тутъ въ рукѣ Волохова блеснулъ ножъ, но едва коснувшись гортани невиннаго младенца, выпалъ изъ рукъ злодѣя.

— Измѣна! убійство! спасите! помогите люди Русскіе! вскричала Жданова и обвила руками державнаго питомца. Въ то же время Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали изъ рукъ ея жертву, ножъ снова сверкнулъ, и преступленіе было совершено, — царевичъ зарѣзанъ!.... Убійцы бросились съ крыльца и почти сшибли съ ногъ проходившаго мимо пономаря соборной церкви. Огурецъ (имя пономаря) *) поровнялся съ крыльцомъ въ то самое время, какъ царевичъ палъ подъ ударомъ убійцъ, и незная,

---

*) лице историческое.

что предпринять, бросился стремглавъ обратно, вбѣжалъ на колокольню, заперся, — и вскорѣ въ городѣ раздался лабатъ.

Царица, слыша отчаянные вопли кормилицы, выбѣжала изъ свѣтлицы, и картина, представившаяся глазамъ ея, оледенила кровь въ ея жилахъ.... Девятилѣтній святой мученикъ лежалъ, окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь....*

Марія Ѳеодоровна съ воплемъ отчаянія схватила своего порфиророднаго сына, Жданова молча указала ей на безбожную мамку, смятенную убійствомъ, и на злодѣевъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ. — Царица, рыдая, обнимала Димитрія, старалась остановить текущую изъ гортани его кровь, но уже было поздно: онъ испускалъ духъ и вскорѣ скончался, не слыхавъ вопля отчаянной матери!....

Злодѣи между тѣмъ скрылись, некому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ!....

Чрезъ минуту весь городъ пришелъ въ волненіе. Звуки набата не умолкали, и вскорѣ улицы наполнились народомъ. Толпы горожанъ со всѣхъ сторонъ бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, дымая, что говоритъ дворецъ, и тутъ мятежъ открылся со всѣми своими ужасами. — Площадь передъ дворцомъ была затоплена народомъ; говоръ, шумъ, крикъ, звукъ набата, мѣшаясь вмѣстѣ, представляли страшную картину.

— Да что жь это, ребята, вскричалъ наконецъ одинъ горожанинъ, съ черною окладистою бородою, — скоро ли мы добьемся толку — набатъ гудитъ все чаще и чаще;

ворота въ дворцѣ заперты, а мы стоимъ сложивши руки; за мной ребята, — ворота и запоры насъ не удержатъ, пойдемъ и увѣримся, не угрожаетъ ли какая опасность царицѣ и царевичу!

— Идемъ, идемъ! раздались тысячи голосовъ; ворота затрещали, и толпа, хлынувши на дворъ, остановилась въ недоумѣніи: на землѣ лежалъ окровавленный царевичъ, подлѣ него мать и кормилица безъ памяти....

Скоро въ народѣ снова раздался шумъ, одни рыдали, другіе требовали злодѣевъ... Жданова пришла въ себя, приподняла голову, зарыдала, и имена убійцъ были ею произнесены.

Въ это время явился дьякъ Михаила Битяговскій: «не вѣрьте ей, народъ православный!» закричалъ онъ, — она сумасшедшая и говоритъ это въ забытьи: царевичъ не убитъ, сейчасъ игралъ онъ здѣсь ножич-

комъ, забавлялся, вдругъ случился съ нимъ обыкновенный припадокъ и онъ самъ наткнулся на ножъ! Идите, граждане, по домамъ! молитесь за упокой души невиннаго младенца и не возмущайтеся напрасно!

«Душегубецъ! злодѣй! Цареубійца!» раздались вдругъ голоса въ народѣ, и градъ каменьевъ посыпался на Битяговскаго. Злодѣй искалъ спасенія во дворцѣ, но народъ схватилъ его и тамъ, онъ былъ вытащенъ оттуда вмѣстѣ съ клевретомъ своимъ Третьяковымъ.

— Смерть убійцамъ! загремѣли тысячи голосовъ, и преступники пали подъ тяжкими ударами. ..

— Говори, злодѣй! говори, нечестивецъ вскричалъ горожанинъ съ черною бородою, замахиваясь камнемъ на Битяговскаго, который лежалъ уже при послѣднемъ издыханіи, — говорили, что сдѣлалъ тебѣ царе-

вичъ, за что вы пролили кровь неповинную, кто научилъ, кто подкупилъ васъ?

— Борисъ Годуновъ.... отвѣчалъ злодѣй, умоляю васъ, пощадите меня, я невиноватъ, я исполнилъ волю Годунова!....

Камень засвисталъ въ рукѣ горожанина, черная кровь злодѣя брызнула неподалеку святой крови праведника — и Битяговскаго не стало....

Другая толпа явилась предъ Розрядною избою, куда скрылся въ смятеніи Данила Битяговскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Никитою Качаловымъ, и ихъ ожидала подобная участь. Двери избы были разломаны, и злодѣи пали, засыпанные грудою камней...

Чрезъ нѣсколько часовъ тѣло убіеннаго царевича перенесено было въ церковь Спаса; но волненіе народное еще не умолкало. Домъ Битяговскаго былъ разграбленъ, слуги его убиты, а скрывавшійся тамъ по-

слѣдній злодѣй, Осипъ Волоховъ, преведенъ къ церкви и умерщвленъ въ глазахъ царицы.... подтвердивши признаніе Михайлы Битяговскаго и наименовавши главнаго виновника Димитріевой смерти — Бориса Годунова.

Во время этого мятежа, какая-то нищая поспѣшно вышла изъ города, въ рукѣ ея былъ страннический посохъ, за плечами котомка; она быстро пошла по Московской дорогѣ, держась ближе къ перелѣску, и тщательно скрывалась отъ взоровъ пѣшеходцевъ.... Это была юродивая Агаѳья....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

Избраніе Бориса Годунова на царство.

Народные толки о кончинѣ царя Θеодора Іоанновича. — Царица Ирина Θеодоровна. — Новодѣвичій конастырь. — Хитрость Годунова. — Усердіе народа. — Торжественное посольство. — Патріархъ Іовъ. — Вѣнчаніе Бориса на царство.

Всѣмъ извѣстны событія, послѣдовавшія за убіеніемъ неповиннаго царевича. — Самъ *виновникъ* преступленія былъ *судьею*. — Пристрастное слѣдствіе, производителемъ коего былъ князь Василій Ивановичь Шуйскій, оправдало виновныхъ и казнило невинныхъ. Родственниковъ царицы, всѣхъ

нашли, сослали въ отдаленные города и заточили въ темницу; ее, несчастную мать убіеннаго, постригли и отослали въ дальній монастырь; тѣло злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули и предали землѣ съ честію; гражданъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили и ссылали; Угличъ опустѣлъ. — Но святая церковь, почитающая останки младенца-мученика, заповѣдала намъ чтить память святаго угодника, а безпристрастная молва современниковъ и святая истина, разорвавши мракъ ложныхъ выдумокъ, передала изъ рода въ родъ вѣчное проклятіе убійцамъ! . .

Не долго жилъ и царь Θеодоръ Іоанновичъ; онъ скончался бездѣтный, завѣщавши державу свою осиротѣвшей супругѣ своей Иринѣ, сестрѣ Бориса Годунова. Въ народѣ носился слухъ, что Годуновъ былъ причиною кончины зятя-государя; историки отвергаютъ

этотъ слухъ, который впрочемъ имѣлъ свое основаніе: тотъ, кто поднялъ руку на брата своего государя, кто принялъ на себя кровь девятилѣтняго младенца — конечно могъ рѣшиться и на второе преступленіе.

Въ девятый день, послѣ кончины царя, Ирина Ѳеодоровна переѣхала въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини... Вѣнецъ Мономаховъ, къ которому такъ дѣятельно стремился Годуновъ, былъ въ рукахъ его, но Борисъ былъ слишкомъ хитръ, чтобъ возбудить на себя прямое подозрѣніе народа; онъ зналъ, что престолъ, рано ли, поздно ли, будетъ принадлежать ему, и пошелъ къ своей цѣли другими путями... Онъ заключилъ себя въ монастырѣ, вмѣстѣ съ Ириною, и, дотолѣ дѣятельный и честолюбивый, плакалъ и отказывался отъ управленія государствомъ. Духовенство, чиновники и народъ единогласно избрали его царемъ Россіи и отправились умолять, да пра

витъ онъ судьбою царства. Годуновъ отрекся рѣшительно. Чрезъ шесть недѣль собрались въ Кремлѣ чины и граждане изъ всего государства, и подтвердили избраніе Годунова. — Они объявили ему, что онъ избранъ уже не Москвою, а всею Россіею; но Годуновъ былъ непреклоненъ, выслалъ изъ монастыря *искусителей*, и не велѣлъ имъ возвращаться. — Остановимся здѣсь историческою выпискою, и будемъ продолжать разсказъ свой...

Было уже далеко за полночь, но во всей Москвѣ горѣли огни; готовились къ какому-то великому дѣйствію. Съ разсвѣтомъ дня раздался во всей столицѣ торжественный звукъ колоколовъ, и бѣлокаменная пришла въ движеніе. — Всѣ храмы и домы отворились; народъ тѣснился на площадяхъ. Па-

тріархъ и владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями, Владимірскую Донскую, какъ святыя знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ, воинство, приказы, выборы городовъ; за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти ... вся торжественная процессія отправилась къ Новодѣвичьему монастырю.

Въ это время Годуновъ сидѣлъ въ келліи сестры своей и, *повидимому*, удивленный торжественнымъ звукомъ колоколовъ, бросилъ вопросительный взглядъ на вѣнценосную монахиню ...

— Ты спрашиваешь меня о причинѣ этого звона, сказала Ирина, — но тебѣ, Борисъ Ѳедорычъ, должно быть извѣстно это лучше меня! Братъ! мнѣ жаль тебя! жаль какъ *брата*, котораго выносила мать въ одной со мною утробѣ; знаешь ли ты какое тяжкое бремя предстоитъ тебѣ? — ты

уменъ, ты опытенъ, искусенъ въ наукѣ государственнаго управленія, и потому долженъ понимать вполнѣ всю тягость этой обязанности....

Годуновъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая отвѣчать; но царица остановила его: «выслушай прежде меня! ты могъ скрыть отъ народа свои сокровенныя мысли, ты умѣлъ ослѣпить его, но я все вижу, все знаю; тебя прельщаетъ царскій вѣнецъ, и ты его получишь; скажи же мнѣ, хорошо ли обдумалъ ты свой поступокъ, заглянулъ ли ты въ прошедшее, разгадалъ ли будущее, наконецъ увѣренъ ли ты въ томъ, что никогда слеза раскаянія не омрачитъ свѣтлыхъ дней твоей жизни?... Если мысль эта не приходила тебѣ въ голову, то обдумай теперь, еще есть время!....»

— Поздно, матушка царица; спустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходятъ! раздался позадъ ихъ голосъ. Царица и Годуновъ съ

удивленіемъ оглянулись — предъ ними была юродивая. — Эхъ! матушка царица, продолжала Агаѳья, баясь, — хочешь ты переговорить Ѳедорыча, вѣдь онъ у насъ на Руси слыветъ первымъ грамотнѣломъ, такъ ужъ гдѣ намъ съ нимъ рѣчи разводить?... Да и то сказать, Богъ съ нимъ, не мы въ дѣлѣ, не мы и въ отвѣтѣ! — Что ты хочешь сказать этимъ, Агаѳья? спросилъ Годуновъ, глядя ласково на таинственную женщину.

— Ничего, Ѳедорычъ, ничего! отвѣчала простодушно юродивая, — вѣдь сегодня тебя патріархъ святой благословитъ на царство, такъ вотъ я и пришла тебя поздравить, авось какъ будешь царемъ, не позабудешь и меня горемычную, дашь теплый уголокъ. Не грѣхъ, родимой, право не грѣхъ пріютить меня, вѣдь, по твоей милости, мнѣ въ Угличъ-то и глазъ нельзя показать. Жаль, что Михайлушко-то не увернулся отъ Угличанъ, теперь и ему бы отъ тебя было те-

пленько, небось пожаловалъ бы его княземъ, наградилъ бы казной, посадилъ въ думу, никто бы и намекнуть несмѣлъ, что руки-то у него въ крови....

Годуновъ поблѣднѣлъ и, желая скрыть свое смущеніе, спросилъ: «что дѣлается въ Москвѣ, Агаѳьюшка?»

— Ужъ будто ты и не смекаешь, Ѳедорычъ, отвѣчала юродивая, — полно, родимый, хитрить передо мною; Агаѳья человѣкъ слѣпой, не грамотной. Вѣстимо что дѣлается: патріархъ съ иконами, чины и народъ идутъ сюда, да знать ужъ и близко, слышишь и въ монастырѣ затрезвонили.

Въ самомъ дѣлѣ на колокольнѣ монастыря начался звонъ, и Борисъ, схвативши шапку, оставилъ келью....

Торжественная процессія, предводительствуемая патріархомъ Іовомъ, останови-

лась передъ воротами монастыря. На встрѣчу патріарху вынесли икону Смоленской Богоматери; за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно - торжественнымъ церковнымъ ходомъ, палъ ницъ передъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мати Божія! Что виною Твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ! ..» Потомъ онъ обратился къ Іову и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь великій! ты дашь отвѣтъ Богу!»

— Сынъ возлюбленный! отвѣчалъ патріархъ, — не снѣдай себя печалію, повѣрь Провидѣнію!

Сказавши это, патріархъ пошелъ въ церковь святой обители съ духовенствомъ и людьми знатнѣйшими, народъ стоялъ въ оградѣ и внѣ монастыря, занимая все пространство Дѣвичьяго поля. Отпѣвши соборомъ литургію, патріархъ снова началъ убѣ-

ждать Бориса не отвергать короны — но тщетно; тогда Іовъ приказалъ нести иконы къ келліи царицы и тамъ со всѣми святителями и чинами упалъ до земли.... Въ то же мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ и внѣ монастыря, упало на колѣни съ воплемъ *неслыханнымъ*: всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю дѣтей, грудныхъ младенцевъ, и не слышали ихъ крика! ... Никто не возьмется рѣшить, что превышало, лицемѣріе Годунова, или всеобщее усердіе; знаменитый исторіографъ намъ говоритъ, что въ эту минуту искренность побѣждала притворство, что вдохновеніе дѣйствовало, что вдохновеніе дѣйствовало и на разумныхъ и на самыхъ лицемѣровъ!....

Патріархъ, чины и народъ умоляли царицу, которая, бывъ до того времени нечувствительною, вдругъ прослезилась и сказала:

«По изволенію Всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи, возьмите у меня единороднаго брата на царство, въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе сердецъ вашихъ, ко счастію Россіи! Благословляю избраннаго вами и передаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ Угодникамъ Московскимъ, и тебѣ, патріарху, и вамъ, святители, и вамъ, бояре!.... Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ!....

Всѣ упали къ ногамъ царицы, которая печально взглянула на Бориса и сказала:— Иди! владѣй царствомъ Русскимъ, будь отцемъ своего народа, защитникомъ невинности, страхомъ враговъ отчизны, кормильцемъ вдовъ и сиротъ!

Борисъ зарыдалъ: — свидѣтельствуюсь Окомъ Всевидящимъ, сказалъ онъ рыдая,—что и не искалъ и не желаю предстоящей почести: одно мое желаніе — жить при тебѣ, государыня, и смотрѣть на твое лицо аще-

льское. — Страшусь возложить, на слабыя рамена свои столь тягостное бремя, и робкимъ умомъ своимъ я никогда не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для всякаго смертнаго. А потому молю тебя, государыня, если не изъ любви ко мнѣ, ты, хотя изъ единаго милосердія, не предавай меня въ жертву трона!.... Рыданія заглушили слова Бориса, но царица отвѣчала рѣшительно: — иди! исполни то, что я говорила тебѣ!....

Годуновъ поклонился и какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: — Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа!....

Святители и вельможи упали къ ногамъ Бориса, и патріархъ поспѣшилъ возвѣстить народу, что Господь даровалъ имъ царя.

Невозможно, пишетъ исторіографъ, изобразить общей радости. Всѣ славили Бога, плакали и поздравляли другъ друга. Отъ келлій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли кликг: *Слава! слава!..*

Окруженный вельможами, тѣснимый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ благословилъ его на царство, и возгласилъ ему первое многолѣтіе!...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инокъ Григорій.

Царствованіе Годунова.—Построеніе Ивана-Великаго.—Отецъ Пименъ.—Юродивая.—Инокъ Григорій.—Побѣгъ его изъ монастыря.

Изъ ничтожества возвысившись до величія престола, Борисъ не только мудрыми дѣлами, но и пышностію царскою желалъ придать блескъ своей власти. Во время голода, угнетавшаго Россію съ 1601 по 1603 годъ, Годуновъ сыпалъ деньгами и истощалъ казну царскую на подаянія и пособія бѣднымъ.

Обстраивалъ Кремль, и ему-то обязаны мы построеніемъ знаменитой колокольни *Ивана Великаго*, носящей названіе сіе потому, что въ ней есть церковь во имя *Іоанна Списателя Лѣствицы* и по огромности размѣра. Но былъ ли Годуновъ покоенъ на престолѣ, могъ ли заглушить многотрудными занятіями царственными угрызенія совѣсти—эту тайну онъ унесъ съ собою въ могилу. Судьба не дремала: вскорѣ явился человѣкъ, который былъ причиною гибели Бориса...

Въ уединенной кельѣ Чудова монастыря сидѣлъ почтенный старецъ за дубовымъ столомъ, на которомъ лежали свертки бумагъ; онъ былъ пристально занятъ разсматриваніемъ старинной, ветхой хартіи.... Передъ нимъ помѣщался молодой инокъ, довольно обыкновенной и даже грубой наружности, и что-то записывалъ со словъ старца. Его

рыжіе, гладкіе волосы въ безпорядкѣ падали на черное полукафтанье, а каріе, быстрые глаза, устремляемые по временамъ на почтеннаго собесѣдника, сверкали какимъ-то огнемъ хитрости и коварства.

Долго занимались они своею работою, которая шла довольно медленно; наконецъ въ монастырѣ ударили къ вечернѣ. Старецъ бережно собралъ хартіи, заперъ ихъ въ поставецъ и подалъ знакъ молодому иноку. Они вышли и отправились въ церковь.

При входѣ во храмъ стояла юродивая, и подошедши подъ благословеніе старца, сказала — благослови, отецъ Пименъ!.... Старецъ благословилъ ее. —Благослови же и его, прибавила Агаѳья; указывая на молодаго инока, — благослови и Григорья, батюшка! Ему благословеніе нужнѣе меня! Подойди,

Григорьюшко, продолжала она, обращаясь къ сему послѣднему,—прими благословеніе, да поди помолись съ усердіемъ, авось Господь умилостивится.... Жаль мнѣ тебя, человѣкъ ты молодой, долгонь войти во искушеніе.— Юродивая начала класть земные поклоны— и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго!—произнесла она въ полголоса; потомъ остановилась, пристально поглядѣла на Григорія и сказала:—вотъ какъ надобно молиться, а не по твоему—ты стоишь у престола Божьяго, а мысли-то твои и не вѣсть гдѣ разгуливаютъ; помни, мой голубчикъ: отъ людей мы можемъ скрыть свои мысли и подъ клобукомъ и подъ фатою, а ужь отъ Господа — ничто не сокрыто... Ступай же молись, да впередъ никогда не ходи во дворецъ и не слушай разговоровъ злыхъ людей; тамъ пожалуй наговорятъ тебѣ, что ты и красавецъ, и разумникъ, и похожъ на царевича, и то и другое — не вѣрь ни

чему... Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть....

Юродивая отошла на прежнее мѣсто и начала молиться со слезами. — Отецъ Пименъ пристально взглянулъ на молодаго инока и спросилъ: — Что это значитъ, Григорій?.... Сей послѣдній улыбнулся, пожалъ плечами и отвѣчалъ: — Не понимаю, что говоритъ она; извѣстно тебѣ, отецъ мой, что она помѣшанная, всегда говоритъ рѣчи загадочныя и трудно понимать ее.

— Не должно ни о комъ судить такъ, Григорій! замѣтилъ старецъ; блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!.... глаголетъ Господь; Онъ умудряетъ и слѣпцовъ и бѣдныхъ.... Слова ея что нибудь да значатъ; берегись! я самъ замѣчаю въ тебѣ что-то не доброе.

На другое утро старецъ, проснувшись при первомъ ударѣ въ колоколъ, который призывалъ къ утренней молитвѣ, нашелъ постелю Григорія пустою.... Инокъ неизвѣстно куда скрылся....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Замыслы Годунова.

Стран.

Юродивая въ теремѣ Годунова.—Тайное совѣщаніе.—Дьякъ Михайло Битяговскій. — Царевичъ, Богомъ спасаемый.—Ядъ не дѣйствуетъ.—Страшный замыселъ. 7

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Роковое Совѣщаніе.

Дворецъ царевича въ Угличѣ.—Царица Марія Ѳеодоровна.—Царевичъ Димитрій. — Опять юродивая — Ея таинственныя предсказанія. — Тайное совѣщаніе злодѣевъ. 21

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Убіеніе Царевича Димитрія.

Стран.

Роковой день (15 мая 1591 года).— Зловѣщій сонъ Ирины Ждановой.—Предательница мамка. — Убійцы. — Смерть девятилѣтняго праведника.—Тревога.— Пономарь Огурецъ—Казнь злодѣевъ. . . 37

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Избраніе Бориса Годунова на Царство.

Народные толки о кончинѣ царя Ѳеодора Іоанновича.—Царица Ирина Ѳеодоровна. —Новодѣвичій монастырь. — Хитрость Годунова. — Усердіе народа. — Торжественное посольство. — Патріархъ Іовъ. — Вѣнчаніе Бориса на царство . 49

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инокъ Григорій.

Стран.

Царствованіе Годунова — Построеніе Ивана-Великаго. — Отецъ Пимень. — Юродивая. — Инокъ Григорій. — Побѣгъ его изъ монастыря. 62

Bayerische Staatsbibliothek München

7-10

uchbinderei
H. B. Schiedeck
19[illegible]1.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Potapov, V. F.

Ivan Velikoj ili tainstvennaja jurodivaja Istoričeskij roman vremen Borisa Godunova. Lžedimitrija i carja Ioannoviča Šujskago. V 2 častjach. Soč. V. F. Potopova
Bd.: 1

Moskva 1868

P.o.russ. 80 q-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610135-0